

ГЛАВА 1

*Москва, Измайловский парк,
8 января 1977 года*

Москва праздничная! Сотни тысяч людей со всего Советского Союза съезжаются сюда, чтобы полюбоваться красотами величавой, нарядной, приподнято-торжественной столицы. Шумные толпы на Кремлевской площади, радостный детский смех у Театра имени Образцова с его знаменитыми часами, величественная новогодняя елка у фонтана «Каменный цветок» на ВДНХ, огромный ледовый каток и множество развлечений для любителей зимних забав, знаменитые горки для катания в Измайловском парке. На Москву праздничную стоит посмотреть! Кто хоть раз побывал в столице в новогодние праздники, с этим утверждением спорить не станет.

— Мама, мама, смотри! Гигантские леденцы! Хочу такой!

Пухлый розовощекий мальчик лет пяти тянул мать за подол модного драпового пальто, тыча пальцем в сторону разряженного лоточ-

ника, увешанного разноцветными лентами, на лотке которого красовались карамельные леденцы в форме петушков и звездочек размером с футбольный мяч.

— Дорогой, мы опоздаем на представление, — строгим тоном ответила мать розовощекому малышу. — К тому же леденцы вредны для зубов.

— Но я хочу, мама! Купи! Купи леденец! Хочу звезду, как на кремлевской башне. Вон ту, красную!

— Нет, нам пора уходить. — Мать схватила малыша за руку и потянула к выходу из Измайловского парка. — Вон идет наш поезд. Надо спешить.

Через ворота Измайловского парка просматривалась одноименная наземная станция метрополитена. Платформа метрополитена не имела наружных стен, навес держался лишь на железобетонных колоннах, чем напоминал обычную железнодорожную платформу. Скромно оформленная станция метрополитена (отголоски постановления Никиты Хрущева «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 года) в эти праздничные дни выглядела сказочно чарующей, благодаря мерцающим огонькам на двадцати пяти колоннах. Мальчик на минуту заинтересовался сверкающими огоньками, но вскоре снова законючил:

— Хочу леденец, мамочка! Ну, пожалуйста!

— Дорогая, давай купим этот леденец. — Мужчина в военной форме ласково притянул к себе женщину за талию. — Праздник ведь, почему не побаловать мальчика? Сейчас только семнадцать тридцать, до представления еще полтора часа. Успеем.

— Вечно ты идешь у него на поводу, — шепотом, чтобы не услышал мальчик, проговорила женщина. — А ведь ему уже почти пять лет! Он должен научиться сдерживать свои желания.

— Хорошо, он начнет сдерживать свои желания завтра, а сегодня мы купим ему самую большую звезду. Договорились? — Почувствовав, что жена готова сдаться, мужчина заговорил чуть громче: — Так что, идем за звездой?

— Ну что с вами делать? Двоих мне не переспорить. — Широкая улыбка расцвела на лице женщины. — Пойдем, сорванец, купим тебе звезду.

— Ур-р-ра! У меня будет звезда, как на кремлевской башне!

Мальчик вырвался из рук матери и помчался навстречу лоточнику. Мать и отец, взявшись за руки, зашагали вслед за сыном. Они еще не знали, что невинное желание мальчика убергло их от катастрофы, а быть может, спасло жизнь. Они мирно выбирали леденец, расплачивались за покупку, пока на платформе метропо-

литена шла посадка на электропоезд. Как всегда в праздничные дни, народ толпился у края платформы, стараясь успеть занять удобные места в вагонах.

— Иван, сюда! Мы в третьем! В третьем вагоне. Да шевелись же ты!

Рыжеволосый парень продирался сквозь толпу, пытаясь воссоединиться со своими друзьями, один из которых, высунувшись из третьего вагона, яростно жестикулировал, подавая знаки другу. Он почти добрался до дверей вагона, когда грузная краснощекая женщина загородила ему проход. Тяжело дыша, она опустила две огромные корзины, обмотанные пуховыми платками, прямо под ноги рыжеволосому парню.

— Осторожнее, мамаша! — грубовато выкрикнул парень, пытаясь высвободить ноги из-под корзин. — Не видите, здесь люди!

— Это ты-то людь? Хам! Какая я тебе мамаша? Сколько, по-твоему, мне лет? Да я, можно сказать, в детский сад еще ходила, когда ты по девкам бегать начал, — громко, не стесняясь прохожих, заголосила женщина.

— Простите. — Рыжеволосый не стал препираться, понимая, что склока лишит его последнего шанса успеть запрыгнуть в вагон. Он начал обходить корзины, но женщина ухватила его за рукав, явно недовольная тем, что лишается возможности поскандалить.

— Теперь «простите»? Оскорбил беззащитную женщину и думаешь, так легко отделаешься? — Женщина отпустила рукав молодого человека, но лишь для того, чтобы вцепиться в обшлага пальто. — И куда это ты, милоч, собрался? А ну, извиняйся как следует!

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Первомайская», — раздался в вагоне механический голос диктора, и поезд тронулся.

Рыжеволосый парень с тоской проводил его взглядом, даже не решаясь махнуть на прощание рукой своим друзьям. Так же, как и супружеская пара с пятилетним малышом, он и представить не мог, что будет благодарен толстой орущей женщине до конца своих дней за то, что помешала ему сесть в вагон. А поезд набирал обороты. Вновь вошедшие пассажиры устраивались поудобнее, те, что ехали давно, лениво рассматривали пейзаж за окном, благо, наземный переход до станции «Первомайская» давал такую возможность. Разноцветные новогодние огоньки мелькали за окнами, поднимая настроение.

— Чего расселся, парнишка, не видишь, дама перед тобой стоит. Уступи-ка местечко! — Мужчина лет сорока в спортивной куртке и шапочке набекрень навис над молодым человеком, устроившимся в углу вагона. Тот поднял глаза,

угрюмо посмотрел на женщину, но место уступил.

— Спасибо, — искренне поблагодарила женщина, тяжело опускаясь на сиденье. — Со сме- ны еду, ноги не держат.

— Нам это запросто, мадам, — усмехнувшись, произнес мужчина и подмигнул парнишке.

Тот, не сказав ни слова, продвинулся в глубь вагона. Рядом с ним оказалась группа парней, которые минуту назад зазывали в вагон своего рыжеволосого друга.

— Эх, Леха, лопух. Не мог поживее двигаться. Теперь дожидайся его на конечной, — ворчал тот, что яростно жестикулировал, высунувшись из окна.

— Не повезло ему, — вторил высокий худо- щавый парень с прыщами на лице. — Каких-то десяти секунд не хватило. Надо было стоп-кран рвануть.

— Ага, тебе милиция метрополитена рвану- ла бы, — возразил третий, скуластый башкир с шикарной шевелюрой.

— Та вы ж бачили, как его та жинка в оборот взяла? Дюже шибко! Он теперь довго от нее не отвяжется, — посочувствовал четвертый, свое- образный выговор которого выдавал в нем уро- женца Украины.

Группа парней, утратив интерес к теме, об- ратила взоры на пассажиров вагона. Парень,

уступивший место женщине, продвинулся еще дальше, не желая оказаться объектом их внимания. Проходя мимо пары подвыпивших приятелей, он случайно задел ногой дорожную сумку.

— Простите, — смущенно произнес парнишка.

— Чего? А! Сумка? Забирай, парень, нам чужого не надо, — весело произнес один из подвыпивших друзей. Мыском сапога он начал выдвигать сумку из-под сиденья.

— Нет, нет, оставьте! — поспешил проговорить парнишка. — Это не моя.

— Ну как знаешь, — ответил ему мужчина и запихнул сумку обратно под сиденье.

Парнишка успел продвинуться на два корпуса вперед, когда позади него прогремел взрыв. Мощная взрывная волна отбросила его в сторону, он ударился головой о поручень и потерял сознание. А за его спиной творилось что-то невообразимое. Крики, стоны, плач...

— Наталка, где ты? Наталка!

— Сыночек, открой глазки, родненький. Открой глазки, мамочка рядом!

— Что произошло? Не понимаю, что произошло?

— Я ничего не вижу, ничего не вижу!

— Люди, да помогите же!

И над всей этой какофонией звуков надрывный, перекрывающий все женский крик:

— А-а-а-а! А-а-а-а! Головы нет! У него головы нет! Смотрите! Смотрите! А-а-а-а!

Из тех, кто был в вагоне, мало до кого дошел смысл слов кричащей женщины. Мысли и чувства людей сконцентрировались в своем микроскопическом мирке, где страдали их родные, их друзья и знакомые. Сейчас люди не воспринимали то, что происходило вокруг. Все, кроме мужчины в спортивной куртке и шапочке набекрень. Каким-то чудом он устоял на ногах во время взрыва и теперь взирал на происходящее остекленевшим взглядом. Потом, когда пройдет шок, он будет жалеть о том, что не упал вместе со всеми на пол вагона, не закрыл глаза, не отключился, чтобы не видеть происходящего. Но сейчас он не мог оторвать взгляда от того, что происходит в вагоне. Его мозг фиксировал мельчайшие подробности, которые будут преследовать его до самой смерти.

Освещение в вагоне погасло, но скудный вечерний свет, пробивающийся через окна, не скрывал, а только усиливал ужас происходящего. Дым, заполнивший вагон, постепенно выходил сквозь разбитые вдребезги окна. Стекла были повсюду: на полу, на телах, лежащих грудой в проходе, на сиденьях. Они запутались в волосах симпатичной брюнетки, впились в лицо седенькой старушки, сидящей прямо на груди грузного мужчины. Они скрипели на зу-

бах мужчины в спортивной куртке и шапочке набекрень, сыпались с потолка, заполняли все вокруг.

Мужчина видел парней, которые еще мину-ту назад дружно хохотали над какой-то шуткой. Теперь они лежали вповалку один на другом. Руки и ноги неестественно вывернуты, в глазах страх и боль. Он видел семейную пару, мужчину и женщину, которые вскочили в вагон в последний момент и были этим весьма довольны. Сейчас мужчина стоял на коленях перед женщиной, тряс ее за плечи и плакал. Он видел ошалевшую от ужаса мать, яростно разрывающую одежду на груди сына-подростка, пытавшуюся привести его в чувства. Он видел так много, что единственным его желанием было зажмуриться, но он не мог. Физически не мог закрыть глаза или хотя бы отвести взгляд в сторону.

«Прекрати, сейчас же прекрати! Отвернись, закрой глаза, вдохни глубоко и успокойся! Тебе нужно успокоиться. — Он мысленно заговорил с собой, пытаясь взять себя в руки. — Чтобы успокоиться, тебе нужно закрыть глаза. Закрой чертовы глаза! Сейчас же закрой!» Но, прежде чем он смог это сделать, его взгляд вычленил из кричащей толпы тело парнишки. Того самого, который всего пару минут назад спокойно дремал в уголке. Того самого, которого он согнал с безопасного места, заставив уступить место

женщине. Он узнал его по куртке с эмблемой футбольного клуба «Динамо» на спине. Узнал чудом, так как вместо курсивной голубой буквы «Д» в ромбе зияла огромная дыра, которая буквально на глазах наполнялась кровью. Кровью парнишки.

«Я убил его, — пронеслось в голове мужчины в спортивной куртке и шапочке набекрень. — Это я убил его!» К горлу подступила тошнота, в глазах потемнело. Мужчина ухватился за поручень, правая рука потянулась к груди. Сердце сжало точно тисками. «Я убил его! Это про него кричала женщина. У него нет головы! Но ведь этого не может быть! Я не убийца! Нет, я не убийца!» Эта мысль заставила мужчину сбросить с себя оцепенение. Превозмогая боль в груди, он начал пробираться к центру вагона, туда, где на оторванном поручне висело тело парнишки.

— Помогите, помогите мне!

— Сюда, у моего друга весь живот в крови!

— Кто-нибудь, помогите!

Десятки рук цеплялись за штанины, хватали за руки, пока мужчина пробирался к телу парнишки. Он сбрасывал их, отворачивался от молящих взглядов и продолжал идти. Когда до парнишки оставалась всего пара шагов, он остановился. На его пути лежали ноги. Две аккуратные культы в окровавленных лохмотьях.

К горлу снова подступила тошнота. Нестерпимая, непреодолимая тошнота. «Только не сейчас, — взмолился мужчина. — Только не сейчас. Потом, когда все закончится, пусть! Но только не сейчас!» Рядом истошно завопила женщина, и этот крик странным образом подействовал на мужчину. Тошнота отступила, он сделал еще два шага, ухватил парнишку за талию и снял с поручня. Голова оказалась на месте, ее просто скрыл капюшон, меховую «опушку» которого залила кровь.

— Сейчас, малец, потерпи немного, — зашептал мужчина. — Все будет хорошо. Ты выживешь, я тебе обещаю!

Он кое-как расчистил место на сиденье вагона, уложил парня на живот. Положил руку на горло, пульс хоть и слабо, но прощупывался.

— Вот так. Хорошо. Ты жив, голова на месте, значит, все будет хорошо.

— Больно. — Парень пришел в сознание, застонал.

— Терпи, малец, помощь уже идет. Я уверен, помощь уже идет.

— Что случилось? Что?

— Не думай об этом. Береги силы, тебе не нужно сейчас разговаривать. — Мужчина попытался снять с парнишки куртку, тот застонал громче. — Ничего, потерпи чуток. Скоро станет легче.

Куртка сниматься не желала, мужчине пришлось зубами разорвать толстые швы у талии и воротника, но он справился. Освободил спину, добрался до раны и с облегчением выдохнул.

— Вот видишь, я же говорил, что все будет хорошо. — Мужчина опустился на колени, чтобы оказаться на уровне глаз парнишки. — У тебя два осколка в спине, две малюсенькие ранки. Крови много, но она уже остановилась. Это хороший знак.

— Осколки? У меня в спине осколки?

— Да, осколки. Произошел взрыв. — Мужчина старался говорить спокойным тоном. — Наверное, короткое замыкание в цепи или еще что-то. Стекла выбило, вагон остановился. Больше ничего не знаю.

— Не похоже на замыкание. — Парнишка с трудом повернул голову, пытаясь рассмотреть, что происходит вокруг. — Ох! Ноги!

Он увидел окровавленные культы. Мужчина сдвинулся в сторону, загораживая своим телом открывшуюся картину.

— Не думай об этом, — строго произнес он. — Думай о чем-нибудь хорошем. Думай о семье.

— Ноги, там ноги, — как заведенный повторял парнишка. — Мне нужно уйти отсюда. Я не могу здесь оставаться! Мне нужно уйти.

Мужчина понял, что парнишка сейчас попытается встать, и среагировал мгновенно. Он поднялся с колен и навалился на ноги парнишки всем телом, руками удерживая торс.

— Не двигайся! Ты что, не понимаешь, что тебе нельзя двигаться. Пара сантиметров, и твой спинной мозг вытечет в штаны. Лежи смирно!

Он понимал, что криком делу не поможешь, но он, как и все в вагоне, был смертельно напуган. Он прижимал парнишку к скамье и продолжал кричать:

— Лежи смирно! Лежи, тебе говорят. Помощь едет.

Вдалеке послышался звук сирены, мужчина радостно засмеялся.

— Ну, что я говорил? Помощь едет. Слышишь, сирены? Это за нами. Теперь все будет хорошо. Все будет хорошо.

Он отпустил тело парня, медленно, в изнеможении сполз на пол вагона и заплакал.

Через пять минут вагон заполнился людьми в форме: военной, милицейской, медицинской. Они доставали людей из вагона, кого-то выносили на носилках, кого-то выводили под руки, кто-то, справившись с шоком, шел сам. Мужчина сидел на полу и безучастно наблюдал за происходящим.

— Вы не ранены? Скажите, вы не ранены? — Молодая женщина лет тридцати, одетая

в халат медицинского работника, склонилась над мужчиной.

— Нет, я не ранен, — ответил тот.

— Идти можете? Здесь, чуть дальше у путей, разбит лагерь для пострадавших.

— Лагерь? Но зачем?

— Дано распоряжение, вас должны опросить, прежде чем позволить уйти. — Женщина-врач старалась не смотреть мужчине в глаза.

— Что за глупость? После такого потрясения все захотят поскорее убраться отсюда. — Мужчина в недоумении смотрел на врача. — Пусть осматривают пути, разве не в них проблема?

— Если вы не ранены, пройдите, пожалуйста, к лагерю. Там вам все объяснят. — Она начала двигаться по проходу дальше, и тут мужчина вспомнил про парнишку.

— Подождите. — Он схватил женщину за руку. — Тут парень, у него в спине осколки.

— Подвиньтесь. — Женщина сдвинула санитарную сумку на бок, склонилась над парнишкой. — Давно он без сознания?

— Не знаю, он висел на том поручне. Я снял его, положил на скамью.

— Он говорил с вами?

— Да, немного. Потом запаниковал, я его к скамейке придавил, чтобы не вскочил от страха.

— Хорошо. Вы все сделали правильно. А сейчас идите. — Она повернулась и громко крикнула: — Раненому нужны носилки. Сюда!

Мужчина выбрался из вагона и остановился на насыпи. Он видел, как парнишку погрузили на носилки, как двое санитаров вынесли его из вагона и понесли к машине «Скорой помощи». Только когда машина скрылась из виду, мужчина выпрямился и зашагал к парусиновым палаткам, которые в спешном порядке расставляли люди в военной форме.

*Москва, здание
Комитета госбезопасности,
ноябрь 1977 года*

— Товарищ генерал-майор, Богданов прибыл.

— Пусть войдет, Коля.

Помощник-секретарь начальника спецотдела Управления нелегальной разведки генерал-майора КГБ Старцева распахнул дверь, пропуская в кабинет командира спецподразделения «Дон» Вячеслава Богданова. В кабинете генерал-майор Старцев был один. Он стоял у окна и задумчиво смотрел вдаль. Полковник Богданов вошел и остановился у двери, помощник генерал-майора Старцева тихо прикрыл дверь, чтобы посторонние звуки не мешали начальству.

— Товарищ генерал-майор, командир спецподразделения «Дон» по вашему приказанию прибыл, — не дождавшись реакции начальника, отрапортовал Богданов.

Старцев повел плечом, словно слова Богданова его покоробили, но от окна не отвернулся и разговор не начал. Пару минут Богданов переминался с ноги на ногу, затем решил перебазироваться ближе к генерал-майору. Он обошел стол, остановился у соседнего окна так, чтобы оказаться в поле зрения Старцева, и посмотрел в окно. Площадь перед зданием по колению засыпало снегом, и снег все еще продолжал идти, отчего пейзаж за окном приобрел свежий и какой-то сюрреалистический вид.

— Красиво, — искренне восхитился Богданов, рассматривая заснеженную кованую ограду и деревья, больше похожие на сказочный лес.

— Красиво, — повторил за Богдановым Старцев. — Снегопад всегда вызывает у меня чувство ностальгии. Вспоминается беззаботное детство, когда можно было натянуть тулупчик и шапку-ушанку, привязать к потертым валенкам коньки и вприпрыжку бежать на ближайший каток. Здорово было скользить по заснеженному льду, вдоволь навалаться в сугробах, отломить сосульку, свисающую с крыши сарая, и сосать ее, как леденец. А потом вернуться домой, скинуть с себя обледеневшую одеж-